

3. Гришина, Н.В. Психология конфликта / Н.В. Гришина. – СПб.: Питер, 2008. - 172 с.
4. Маслоу, А. Психология бытия /А. Маслоу. – М.: Эксмо, 1997. – 411 с. - Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/466876/>. – Дата доступа: 12.11.2020.
5. Поваренков, Ю.П. Психологическое содержание профессионального становления человека / Ю.П. Поваренков. - М.: Изд-во УРАО, 2002. - 345 с.
6. Фетискин, Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. – М.: Изд-во Института Психотерапии. – 2009. – 339 с.

***В.С. Сайганова, заведующий кафедрой философии культуры**
veros23@yandex.ru
БГУ (Минск)*

В.С. Сайганова. НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ В СОЦИАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Профессиональные дискуссии последних лет о влиянии науки и научно-технического способа производства на гуманитарную культуру и социальные практики охарактеризовали новый этап развития социально-гуманитарного знания, где продолжает уверенно проявлять себя эпистемологическая проблематика. Эпистемология в своем классическом варианте сопряжена с поиском и формулированием универсальных характеристик истинного, достоверного знания, однако социогуманитарный дискурс постепенно смещается в сторону постклассических вариаций эпистемологии, что привело к семантическому и методологическому плюрализму в понимании научного знания, истины, содержания самой эпистемологии.

Современное общество находится в состоянии тотальной зависимости от своей научной и научно-технологической результативности, выражаясь в постоянном стремлении к прогрессу и совершенствованию рациональных, научных, производственных практик. Нарастает непредсказуемость природных и социальных процессов в результате сложно контролируемых темпов развития науки и технологий. В этой связи гуманитарная культура пересматривает само понятие научного знания, а эпистемология, как наука о знании, постоянно обнаруживает новые формы своего проявления в культуре.

В анализе социокультурных аспектов научного знания можно выделить два перспективных направления эпистемологии, а именно социальную и культурно-историческую. В содержании социальной и культурно-исторической эпистемологии существуют разные течения со схожими ориентирами в понимании научного знания и социальности, поэтому данные направления зачастую не имеют жестких понятийных границ. Однако,

рассматривая познание как сложный социальный и культурный феномен, данные направления тематически схожи, но методологически разнятся.

Социальная эпистемология исследует то, как научное знание существует в обществе, каковы социальные обстоятельства познания. Основатели социальной эпистемологии (Э. Голдман, Ф. Шмитт, У. Элстон) представляли ее как комплекс исследований, в которых сохраняется преемственность по отношению к классической эпистемологии, которая исторически фокусируется на знании, но пересекается с интересом к практической социальной жизни, которая воздействует на то, что именно и как познается. Так у Э. Голдмана акцент сделан на социальные практики и их воздействию на процессы приобретения знаний [1, с. 114-118], а Ф. Шмитт определял социальную эпистемологию как нормативное исследование релевантности знанию социальных отношений, ролей, интересов и институтов, где ставится вопрос о социальном и индивидуальном в знании. [2, с.290-291]. Социальное рассматривается как множество социального содержания, которое присутствует в определенных институциях, дисциплинах или организациях (У. Элстон). То есть, подразумевается, что существуют санкционированные социумом процедуры и методы, которые направлены на приобретение знания [3, р. 29]. Неслучайно социальная эпистемология начала оформляться в рамках Эдинбургской школы социологии науки (Б. Барнес, Д. Блур и др.).

С точки зрения философии науки субъект и объект познания рассматриваются социальной эпистемологией как социальные конструкции и подчинены социальным условиям. То есть познается только то, что представляет собой часть человеческого мира, и так, как это диктуют социальные нормы и правила. Социальная эпистемология описывает реальность современной науки, акцентируя включенность науки во все виды социальных отношений (экономические, правовые и др.) на правах социального института, подчиненного социальным нормам. И.Т. Касавин подчеркивает социальные условия познания для существования знания в обществе, где «содержание и форма знания социальны от начала до конца» [4, с. 908]. В рамках данного направления научное знание выступает полноправным социальным явлением и имеет идеологический статус в системе отношений социального производства, однако изучение знания как феномена растворяется в его социальных условиях.

Дело в том, что, признавая науку и знание лишь социальными явлениями, институциями, социальная эпистемология подчиняет научное знание внешним социальным закономерностям его развития и посягает на автономный характер и самоценность научного знания с точки зрения его внутренних законов существования. Например, прагматические ориентиры современного общества позволили оценивать научное знание с точки зрения его быстрой результативности, практической и экономической эффективности, что привело к переориентации науки от фундаментальных исследований к прикладным.

На ценности науки как культурного и исторического феномена

настаивает культурно-историческая эпистемология. Данное направление не только вписывается в актуальные тенденции практического, онтологического поворота и поворота к материальному в философии науки, но и подчеркивает особую значимость исторических процессов для решения современных проблем теории познания.

Предпосылки культурно-исторической эпистемологии относятся к идеям, сформированным в исследованиях в области критики позитивизма и истории науки во Франции в начале XX вв., а в частности, к истокам исторической эпистемологии, как самостоятельного направления в эпистемологии. Среди современных мыслителей к традиции исторической эпистемологии в западной философии науки можно отнести Я. Хакинга, М. Фридмана, П. Галисона, Г. Хатфилда и других авторов, которые рассматривают научное знание через анализ его истории.

Динамично развивающимся комплексом исследований в рамках культурно-исторической эпистемологии является современная российская философия науки в лице преимущественно Б.И. Пружинина, Н.И. Кузнецовой, И.С. Дмитриевой, Л.А. Микешиной, А.А. Печенкина, Л.В. Шаповаловой и др.

Культурно-историческая эпистемология также как и социальная эпистемология исходит из установки, что научное знание в его субъект-объектной структуре зависит от социальных условий познания, однако в рамках данного направления акцентируется не просто социальность науки, но ее культурно-историческая ценность. Во многом культурно-историческая эпистемология находит свои истоки в практике культурной истории, междисциплинарных культурно-психологических исследований, Cultural Studies и философском дискурсе. Российские исследователи подчеркивают эвристичность культурно-исторической эпистемологии в качестве парадигмы для междисциплинарных исследований. Так Б.И. Пружинин, говоря о культурно-исторической эпистемологии отмечает, что «культурно-историческая эпистемология акцентирует внимание ученого на историзме его сознания, на его включенности в решение конкретных социокультурных задач и, тем самым ориентирует его на расширяющиеся культурные и исторические проекции его работы» [5, с. 140], когда ученый способен усмотреть символические смыслы своих конкретных прикладных результатов. Уникальность культурно-исторической методологии по мнению ее адептов в том и состоит, что ее методология не может быть представлена в традиционной форме, а именно в виде рекурсивного списка предписаний, так как культурно-историческая эпистемология погружена в саму познавательную работу и обнаруживает себя лишь в ходе этой работы, как ее важнейшая составляющая.

По-разному социальная и культурно-историческая эпистемология относятся и к истине. Для культурно-исторической эпистемологии истина самоценна и зависит от ценностей культуры, а не от социальных условий и потребностей. Истина мыслится как культурно-исторический феномен,

стремление к истине является внутренней мотивацией сообщества ученых, а не внешней, навязанной социальными институтами. Таким образом, культурно-историческая эпистемология подчеркивает в познавательном отношении динамику живой науки как культурного феномена, некую произвольность мнений ученых, что предполагает «обсуждение и интерсубъективную проверяемость, нахождение пределов познанного (встречу познанного и непознанного), т.е. непрерывную динамику познанного» [6, с. 272].

Подводя итог, следует отметить, что направления социальной и культурно-исторической эпистемологии являются перспективными исследованиями научного знания. Особенности данных исследовательских стратегий являются возможность полилога, обмена смыслами между несовместимыми методами анализа знания, открытость для нового и допустимость альтернативных способов интерпретаций научного знания. Данная специфика порождает непредсказуемость результата исследования, наличие рисков, но и возможность открытия в исследовании науки. Современная эпистемология в ее социальном и культурно-историческом измерении больше похожа на проект, который открыт новым проблематизациям, разработкам исследовательских программ междисциплинарного взаимодействия и конструктивной научной коммуникации, основанной на творческом поиске и признании научного знания исторической, социальной и культурной ценностью.

Список источников

1. Goldman, A. Epistemic paternalism: Communication control in law and Society / A. Goldman // *Journal of philosophy*. Vol. 8. – 1991. – P. 113-131.
2. Schmitt, Fr. Socializing Epistemology / Fr. Schmitt // *Socializing Epistemology. The Social Dimensions of Knowledge*. – Littlefield publ., 2004. – P. 289-310
3. Alston, W.P. Belief-forming Practices and the Social / W. Alston // *Socializing Epistemology. The Social Dimensions of Knowledge*. – Littlefield publ., 2004. – P. 28-43
4. Касавин, И.Т. Социальная эпистемология // *Энциклопедия эпистемологии и философии науки* / [ред.кол. И.Т. Касавин (гл.ред) и др.]. – М. : «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 908-909.
5. Пружинин, Б.И. Знание как ценность: этюд по культурно-исторической эпистемологии / Б.И. Пружинин // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. – 2014. - №1. – С. 135-141.
6. Щедрина, Т.Г. Культурно-историческая эпистемология и социальная эпистемология: два пути к реальности / Т.Г. Щедрина // *Культурно-историческая эпистемология: проблемы и перспективы. К 70-летию Бориса Исаевича Пружинина* / Сост.: Н. С. Автономова, Т. Г. Щедрина; науч. ред.: Т. Г. Щедрина. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2014. – С. 262—